

МИХАИЛ ГЛИКА И ТРОЕ ВЕНЦЕНОСНЫХ УБИЙЦ

В. Ю. ЖАРКАЯ

Аннотация: Михаил Глика известен прежде всего как автор пространной «Хроники», охватывающей исторические события с сотворения мира до кончины императора Алексея I Комнина (1118 г. по Р. Х.). Несмотря на популярность в Византии, это сочинение пользуется среди исследователей дурной славой из-за своей нечеткой композиции и множества некритических заимствований из более ранних источников, почти не подвергавшихся переработке и согласованию. Однако в другом произведении, так называемых «Богословских главах», Глика предстает искусным рассказчиком и выстраивает последовательное повествование, в котором риторическая отделка сочетается с мастерством в создании психологического портрета и умением создать драматическое напряжение. Различие двух методов работы становится особенно очевидно в тех случаях, когда в «Хронике» и «Богословских главах» затрагиваются одни и те же сюжеты. Статья представляет собой попытку сравнения трех историй о преступлениях императоров Феодосия I Великого, Маврикия и Иоанна I Цимисхия, рассказанных в 57-й «Богословской главе», с версиями этих же историй, представленными в «Хронике». Анализ показывает, что отказ выстраивать в «Хронике» последовательное повествование был для Глики осознанным выбором, связанным с его представлением о труде хрониста как о деятельности принципиально противоположной рассказыванию историй.

Ключевые слова: византийская литература, XII в., Михаил Глика, всемирная хроника, эпистолография, Феодосий I Великий, Маврикий, Иоанн I Цимисхий, Никифор II Фока, Комнины.

Введение

«Хроника» византийского писателя Михаила Глики (XII в.), охватывающая события всемирной истории с сотворения мира до кончины императора Алексея I Комнина (1118), считается примитивной компиляцией, лишенной художественных достоинств¹. На первый взгляд, этот текст — просто набор сведений, бездумно заимствованных из чужих сочинений и хаотично без какой-либо адаптации соединенных вместе. Однако более внимательный анализ «Хроники» и по-

¹ Καρλόζηλος Ά. Βυζαντινοὶ ἱστορικοὶ καὶ χρονογράφοι. Τ. 3: 11ος–12ος αἰ. Ἀθήνα, 2009. Σ. 587–600.

следовательное сравнение с источниками показывают, что первое впечатление ошибочно. Глика использует чужой материал далеко не бездумно: он отбирает сведения по определенному принципу, сокращает заимствованные фрагменты и выстраивает между ними новые связи². И все же своего рассказа у него не получается — слишком сильна разноголосица источников, слишком косвенны, если вообще есть, его собственные оценки и суждения.

Однако Глика был не только хронистом. В другом его сочинении, «Богословских главах», мы встречаем его в совсем иной литературной роли. Примечательно, что нередко в них он излагает те же исторические сюжеты, что и в «Хронике». В настоящей статье будет предложен сравнительный анализ трех фрагментов «Хроники», посвященных преступлениям трех византийских императоров, запятнавших себя убийством, но благодаря покаянию заслуживших прощение, и версий этих же историй, изложенных Гликой в 57-й «Богословской главе». Наша задача — взглянуть на Глику-хрониста через Глику-богослова (или точнее, Глику-эпистолога): если окажется, что в «Богословских главах» Глика справляется с ролью рассказчика и создает стройное повествование, то значит, хаос, обрушивающийся на читателя «Хроники», — не случайность, а результат последовательного применения продуманной повествовательной техники, осознанный авторский выбор, проливающий свет на представление Глики о методах и задачах хронистики.

Прежде чем приступить к анализу, нужно обрисовать препятствия, встающие на пути исследователя творчества Михаила Глики. Во-первых, «Хроника» не издана критически: в нашем распоряжении имеется издание И. Беккера 1836 г., вошедшее в Боннский корпус византийских историков и представляющее собой переработку издания 1660 г., сделанного Ф. Лаббе для Парижского корпуса византийских историков. При этом, если Лаббе, публикуя текст «Хроники», следовал одному дефектному кодексу, а чтения еще нескольких (их идентификация является самостоятельной научной задачей³) отнес в примечания, то Беккер часть примечаний произвольно опустил, а часть — включил в основной текст⁴. В настоящее время отождествлены десятки списков «Хроники», однако их соотношение не прояснено⁵. В данной статье мы будем обращаться к изданию 1836 г.⁶, сверяя его с чтениями древнейшей полной рукописи «Хроники» Italia, Venezia, Biblioteca Nazionale Marciana, gr. Z 402 (XIII в.), оцифрованной и размещенной в свободном доступе на сайте хранилища⁷.

² Жаркая В. Ю. Специфика работы с источниками во «Всемирной хронике» Михаила Глики: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2013.

³ Авилушкина Л. Т. К изучению предполагаемых источников первого издания греческого текста Хроники Михаила Глики: Берлинский кодекс Berolinensis gr. 235 // Вспомогательные исторические дисциплины. 2013. Т. 32. С. 331–336.

⁴ Она же. Особенности и характер изданий «Хроники» Михаила Глики // Античная древность и Средние века. 2009. Вып. 39. С. 389–397.

⁵ Она же. Из рукописной традиции «Хроники» Михаила Глики // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Вып. 23. С. 127–133.

⁶ Michael Glycas. Annales / I. Bekker, ed. Bonn, 1836.

⁷ Venezia, Biblioteca Nazionale Marciana, Gr. Z. 402 (=1031). URL: <http://www.internetculturale.it/opencms/opencms/it/viewItemMag.jsp?id=oai%3A193.206.197.121%3A18%3AVE0049%3ACSTOR.240.10084> (дата обращения: 28.10.2019).

Во-вторых, не известна относительная хронология «Хроники» и «Богословских глав». К. Крумбахер, автор первой научной биографии писателя, считал, что «Богословские главы» созданы после «Хроники»⁸. В последующие годы ученые либо соглашались с ним⁹, либо предлагали обратную схему: сначала «Богословские главы», а только затем — «Хроника»¹⁰. В недавнее время подход исследователей изменился и «Богословские главы» стали рассматриваться как собрание писем, отправлявшихся Гликой широкому кругу адресатов на протяжении многих лет по различным поводам и впоследствии объединенных в единую коллекцию самим автором¹¹.

Эпистолярное происхождение интересующей нас 57-й «Богословской главы» очевидно. Согласно надписанию, это утешение и наставление «возлюбленной племяннице» императора Мануила I Комнина (1143—1180) Феодоре, которая «была глубоко опечалена и отчаялась в спасении (τὴν ἑαυτῆς ἀλογίωσκούση σωτηρίαν) из-за убийства некоей женщины, на которое она решилась из ревности». Исследователи уже более ста лет спорят о том, какая именно Феодора является адресатом Глики¹², однако для наших целей этот вопрос имеет второстепенное значение.

В начале послания Глика проводит границу между «отчаянием» (ἀπόγνωσις) и «самоосуждением» (κατάγνωσις): если первое — грех, то второе — необходимое условие для покаяния и, соответственно, прощения. Приведя ряд примеров из Священного Писания и осудив убийство как «злейшее из зол» (κακῶν κάκιστον)¹³, Глика переходит к основной части письма, советуя Феодоре прочитать «исторические сочинения» (χρονικὰ συντάγματα), которые изобилуют историями об убийстве, покаянии и прощении. Примечательно, что во всех примерах, которые далее приводит Глика, убийцей оказывается император. Это Иоанн I Цимисхий (969—976), убивший своего предшественника Никифора II Фоку¹⁴, Феодосий I (379—395), устроивший резню в Фессалонике¹⁵, и Маврикий (582—602),

⁸ Krumbacher K. Michael Glykas: Eine Skizze seiner Biographie und seiner Litterarischen Thätigkeit nebst einen unedierten Gedichte und Briefe desselben // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der Königl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1894. Bd. 3. S. 398.

⁹ Καρλόζηλος. Βυζαντινοὶ ἱστορικοὶ... Σ. 601—603.

¹⁰ Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143—1180. Cambridge, 1993. P. 370—382; Idem. L'orthodoxie des astrologues: La science entre le dogme et la divination à Byzance (VIIe—XIVe siècle). P., 2006. P. 122—128; Neville L. Guide to Byzantine Historical Writing. Cambridge, 2018. P. 206.

¹¹ Kiapidou E.-S. On the Epistolography of Michael Glykas // Βυζαντινά σύμμεικτα. 2011. Τ. 21. Σ. 169—193; Eadem. Chapters, Epistolary Essays and Epistles: The Case of Michael Glykas' Collection of Ninety-Five Texts in the 12th Century // Parekbolai: An electronic Journal for Byzantine Literature. 2013. Vol. 3. P. 45—64.

¹² Krumbacher. Michael Glykas... S. 425—431; Васильевский В. Г. Рецензия на: Krumbacher. Michael Glykas... // Византийский временник. Т. 6. № 3—4. С. 534—536; Βάρζος Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 141—142, 171—189, 417—434; Magdalino. The Empire of Manuel... P. 373.

¹³ Μιχαήλ Γλυκάς. Εἰς τὰς ἀπορίας τῆς Θείας Γραφῆς κεφάλαια / Σ. Εὐστρατιάδης, ἔκδ. Ἀλεξάνδρεια, 1912. Τ. 2. Σ. 119—121.

¹⁴ Ibid. Σ.122.21—123.27.

¹⁵ Ibid. Σ. 124.1—125.9.

несущий ответственность за расправу над византийскими воинами, учиненную аvarами¹⁶. Как уже было сказано выше, каждый из этих эпизодов затрагивается и в «Хронике»¹⁷.

Иоанн I Цимисхий

Первым Глика рассматривает случай из наиболее близкой ему эпохи. Эпизод, посвященный Цимисхию, имеет в обеих версиях трехчастную структуру: 1) причины убийства; 2) убийство; 3) последствия. Источник, из которого Глика черпал материал в этом разделе, — сочинение Иоанна Скилицы (кон. XI в.)¹⁸. Однако манера работы с ним в двух произведениях Глики разная. В «Хронике» эпизод открывает рассказ о причинах, побудивших Цимисхия совершить преступление:

ἡ μέντοι Θεοφανῶ τὴν τοῦ Νικηφόρου συνουσίαν ἀπεστρέφετο. Τίνος ἔνεκεν; ὅτι βίον ἐκεῖνος εἶχε σῶφρονα, σαρκικῶν ἀπείχετο μίξεων, χαμευνίαις ἔχαιρεν. ὅθεν (καὶ add. M) οὐκ ἀρεσκομένη τούτοις ἡ Θεοφανῶ τὸν Τζιμιζχῆν μεταπέμπεται, κατὰ γε τὴν ἑαυτοῦ καθήμενον οἶκον ἔφθασε γὰρ ὁ Φωκᾶς διὰ τινὰ ὑποψίαν παραλύσας αὐτὸν τῆς τοῦ δομεστίκου ἀρχῆς.

Но Феофано отказывалась от общения с Никифором. Почему же? Потому что он жил целомудренно, воздерживался от плотских сношений, находил радость в возлежании на [голой] земле. Поэтому раздосадованная этим Феофано послала за Цимисхием, который был заключен у себя в доме, поскольку Никифор еще прежде из-за какого-то подозрения лишил его титула доместика¹⁹.

Соответствующий пассаж Скилицы звучит так:

Ἦ δὲ βασιλῆς Θεοφανῶ ἀποστρεφόμενη τὴν συνουσίαν τοῦ Νικηφόρου, τινὰ τῶν τοῦ Τζιμιζχῆ μεταπεψαμένη εἰσκαλεῖται τοῦτον ἐν τῷ ἰδίῳ οἴκῳ σχολάζοντα. ἔφθη γὰρ ὁ βασιλεὺς διὰ τινὰ ὑποψίαν τῆς τοῦ δομεστίκου παραλύσας τοῦτον ἀρχῆς καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ οἴκῳ ἀπρόϊτον εἶναι μελεύσας.

Но царица Феофано, отказываясь от общения с Никифором, через некое [лицо] из окружения Цимисхия призвала его, когда тот пребывал в бездействии у себя в доме, поскольку царь еще прежде из-за какого-то подозрения лишил его титула доместика и приказал, чтоб тот не покидал свое жилище²⁰.

¹⁶ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 125.10–126.19.

¹⁷ Glycas M. Annales... P. 476.16–477.13 (Феодосий), 508.12–510.15 (Маврикий), 572.14–574.9 (Цимисхий).

¹⁸ Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ. Ἡ Χρονογραφία τοῦ Μιχαῆλ Γλυκᾶ καὶ οἱ πηγές της (περίοδος 100 π. Χ. — 1118 μ. Χ.): Δισс. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 562.

¹⁹ Glycas M. Annales... P. 572.14–20. Здесь и далее перевод на русский принадлежит автору статьи.

²⁰ Ioannes Scylitzes. Synopsis historiarum / I. Thurn, ed. Berlin; New York, 1973. P. 279.87–89.

Очевидно, что Глика просто перефразировал Скилицу. Единственная вольность, которую он себе позволил, — разбить предложение источника на два, поместив между ними объяснение пренебрежительного отношения Феофано к своему мужу. Впрочем, это дополнение также не было изобретением Глика, а восходило к стихотворной «Хронике» его старшего современника Константина Манассии. В изложении Манассии мы встречаем, во-первых, лексические параллели к тексту Глика (снова упомянуто «возлежание на голой земле» — *χαμυνίαι* — и отвлечение к «телесным сношениям» — *μίξεις τὰς σωματικὰς*), а во-вторых, причинно-следственную связь между образом жизни императора и заговором, организованным Феофано: «...но все это не нравилось (ἦσαν οὐκ ἀρέσκοντα) царице»²¹. В итоге в начальной части эпизода в «Хронике» внимание сосредоточено на отношениях Никифора и Феофано, тогда как фигура Цимисхия остается в тени, и читатель может только догадываться о характере подозрений императора в его адрес.

В письме вступление к рассказу совсем иное:

Ὁ βασιλεὺς Φωκᾶς οὐ μικρῶς αὐτῷ τοῦ Τιμισηῆ Ἰωάννου συγκροτήσαντος, ἐγκρατῆς τῆς βασιλείας καθίσταται· οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ, καὶ πάσης ἀρχῆς κατάγει τὸν Τιμισηῆν καὶ τῷ ἰδίῳ οἴκῳ προσμένειν ποιεῖ· ἄνετον γὰρ εἶναι οὐκ ἤθελε παρὰ τῆς βασιλείσης δῆθεν ἀγαπώμενον. Ἄλλ' οὐ φέρει τὴν ὕβριν ὁ Τιμισηῆς, ἀλλ' ἠσυχῆ καθῆσθαι καὶ καθ' ἑαυτὸν οὐκ ἀνέχεται· δάκνεται τὴν καρδίαν, οὐ μικρῶς ἀνιάται, εἰς ἐπιβουλήν ἐντεῦθεν ἀνάπτεται, καὶ φόνον ἀρτύει κατὰ τοῦ βασιλέως Φωκᾶ...

Благодаря немалой помощи Иоанна Цимисхия император Фока овладевает царством. Уже вскоре он лишает Цимисхия всех титулов и заключает дома, так как не желает, чтобы тот оставался на свободе, поскольку, как говорили, царица любит его. Но Цимисхий не сносит обиды, не может сидеть дома и молчать. Он угрызается в сердце и тяжело страдает, в нем разгорается заговорщический замысел, и вот он уже готовит убийство царя Фоки...²²

Перед нами краткий риторизованный (обратим внимание на *praesens historicum*, паратаксис и синтаксический параллелизм) пассаж, в центре которого находятся взаимоотношения императора и Цимисхия. Возвращение к событиям 963 г., когда Фока пришел к власти, помогает объяснить гнев, который почувствовал Цимисхий, узнав о предательстве своего прежнего соратника. Напротив, мотивы поступков Никифора и Феофано Глику на сей раз не интересуют. Внимание рассказчика обращено не на них, а на эмоции Цимисхия — уязвленную гордость и не поддающийся контролю гнев. Глике важно показать, что преступление, на которое решится его герой, будет совершено в состоянии аффекта.

Примечательно, что в этом пассаже можно также разглядеть следы влияния Манассии, который упоминает слухи о любовной связи Цимисхия с Феофа-

²¹ Constantinus Manasses. *Breviarium chronicum* / O. Lampsidis, ed. Athenis, 1996. P. 310.5758–5761, 311.5766.

²² Γλυκᾶς. *Εἰς τὰς ἀπορίας...* Σ. 122.23–123.7.

но (ὡς ἄρα πρὸς τὸν Τζιμισχῆν ἐρωτοδέσμην ἔχοι // ἡ βασιλῆς)²³. Однако, на наш взгляд, важнее другая, более тонкая связь с сочинением Манассии. Речь идет об эмоциональной атмосфере эпизода: в изложении Манассии Феофано просит мужа восстановить Цимисхия в правах и тот возвращается «уязвленный в сердце» (καρδιότρωτος), пряча «тайные раны души» (τραυματίσματα κατὰ ψυχῆς ὑποῦλα). С одной стороны, он «коварно изображал радость» (πανούργως ὑπεκρίνεται καὶ φαιδρῶλὸς ὤρῳτο), а с другой, — вынашивал «заговорщический замысел» (δολομηχάνους σχέψεις)²⁴. В письме Феодоре Глика ничего не пишет о просьбе Феофано вернуть Цимисхия ко двору, но эмоции героя описаны в схожих выражениях, даже καρδιότρωτος Манассии отражается в δάκνεται τὴν καρδίαν Глики. Отметим, что эта последняя формула еще несколько раз прозвучит в 57-й «Богословской главе», причем всякий раз она будет сигнализировать перерождение героя, в данном случае — превращение жертвы несправедливости в убийцу.

Если отношения между текстами Глики и историческим сочинением Скилицы исчерпываются простым текстуальным заимствованием, то случай с «Хроникой» Манассии гораздо сложнее. Сочинение Манассии написано поэтическим языком и переполнено вставными новеллами, экфрасисами и отступлениями о роли человеческих страстей в истории²⁵. В «Хронике» Глика часто обращается к этому произведению как к источнику сведений, но, как кажется, не придает никакого значения его художественной форме. Включая в «Хронику» поэтические фрагменты Манассии, он даже не пытается привести заимствованный стихотворный текст в соответствие с прозаическим окружением, в которое он попадает²⁶. Работая над «Хроникой», Глика не видит в Манассии поэта и подходит к его сочинению с теми же критериями, что и к любому другому хранилищу исторической информации²⁷. В случае с «Богословскими главами» перед нами совсем другой автор, который рассказывает читателю драматическую историю и рисует эмоциональный портрет героя непосредственно до и сразу после убийства. Несмотря на скудость прямых лексических параллелей, Глика-эпистограф стоит значительно ближе к Манассии, чем Глика-хронист.

Вторая часть истории Цимисхия посвящена самой ночи убийства. На этот раз версии «Хроники» и письма почти полностью совпадают. В последних Глика лишь опускает частные детали, известные ему от Скилицы (имена сообщников Цимисхия, точный час убийства), и прерывает повествование риторическими обращениями к читателю²⁸.

В завершающей части рассказа Глика пишет о последствиях убийства. В «Хронике» он следует изложению Скилицы: Цимисхий прибывает в Великую Церковь (храм Святой Софии в Константинополе), но патриарх Полиевкт пре-

²³ Manasses C. Breviarium... P. 309.5737–5738.

²⁴ Ibid. P. 310.5747–5752.

²⁵ Nilsson I. Narrating Images in Byzantine Literature: The Ekphrasises of Konstantinos Manasses // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 2005. Bd. 55. S. 121–146; Hinterberger M. Phthonos als treibende Kraft in Prodomos, Manasses und Bryennios // Medioevo Greco. 2011. Vol. 11. P. 91–100.

²⁶ Например, Glycas M. Annales... P. 495.1–2 = Manasses. Breviarium... P. 172.3141–3142; Glycas M. Annales... P. 513.9–11 = Manasses. Breviarium... P. 205.3753–3755.

²⁷ Жаркая В. Ю. Специфика работы... С. 40–46.

²⁸ Glycas M. Annales... P. 572.20–573.15; Γλυκάς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 123.7–16.

граждает ему путь, требуя покаяния; Цимисхий обещает сделать все, чтобы добиться прощения, и утверждает, что не убивал Фоку собственными руками; с «одобрения» (συναίνεῖ) Полиевкта он отправляет Феофано и своих прежних сообщников в ссылку, отменяет скандальные законы Никифора Фоки, после чего получает позволение войти в храм и принимает от патриарха корону²⁹. Сохраняя общую схему, Глика уменьшает роль патриарха: в версии Скилицы речь шла не об одобрении, а о приказе (προσέταττε) Полиевкта изгнать императрицу и отменить действие «Томоса» Никифора Фоки³⁰. В послании Феодоре роль патриарха совсем незначительна:

...τῆς βασιλείας δὲ γενόμενος ἐγκρατῆς οὐκ ἀπογινώσκει τὴν ἑαυτοῦ σωτηρίαν· κατάγει γὰρ αὐτίκα τῶν βασιλείων τὴν Θεοφανῶ καὶ τοὺς αὐτόχειρας τοῦ Φωκᾶ τῆς πόλεως ἐξῶθεῖ· ρήγγυσι δὲ καὶ τὸν τόμον, ὃν ἐπὶ συγχύσει τῆς Ἐκκλησίας ὁ Φωκᾶς ἔθετο, οὐκ ὀλίγα τε ἄλλα ποιεῖ πρὸς ἀπαλλαγὴν τοῦ ἐγκλήματος· ὅθεν καὶ τοῦ θείου ναοῦ εἴσω χωρεῖ καὶ παρὰ τοῦ πατριάρχου Πολυευκτοῦ τῷ διαδήματι στέφεται καὶ εἰς κοινωνίαν παραλαμβάνεται.

...но, овладев царством, он не отчаивается в спасении. Ведь он сразу изгоняет из дворца Феофано, а убийц Фоки высылает из города, отменяет «Томос», изданный Фокой для смущения Церкви, и совершает еще многое другое, чтобы смыть преступление. Поэтому он входит в храм, а патриарх Полиевкт венчает его диадемой и допускает к причастию³¹.

Как мы видим, Цимисхий совершает все шаги по своей воле, без внешнего давления, а Полиевкт не участвует в событиях вплоть до самого конца эпизода. Цимисхий изображен героем, который приходит в себя после страшного преступления, которое он совершил, повинувшись иррациональному импульсу, и при этом полностью осознает свою ответственность, а не перекладывает вину за убийство на других, как в «Хронике».

Феодосий I

Второй исторический эпизод известен во множестве греческих и латинских версий, первые из которых относятся к началу V в.³² Все они сходятся в том, что Феодосий приказал устроить (или не пожелал остановить) массовое убийство жителей Фессалоники, вступивших в конфликт с расквартированными там войсками. Под давлением свт. Амвросия Медиоланского император признал свою вину, принес покаяние и издал закон, предписывающий 30-дневный мораторий на исполнение смертного приговора после его вынесения.

Как в «Хронике», так и в послании Феодоре сохраняется уже встреченная нами трехчастная структура эпизода: 1) повод к преступлению; 2) убийство; 3) последствия убийства. Сюжетная канва в целом кажется одинаковой, хотя

²⁹ Glycas M. Annales... P. 573.20–574.9.

³⁰ Scylitzes I. Synopsis... P. 285.31–34.

³¹ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 123.17–24.

³² Бойцов М. А. Покаяние императора: Феодосий и Амвросий Медиоланский // Вестник древней истории. 2009. № 269 (2). С. 21–48.

Глика-хронист сообщает больше частных деталей, а Глика-эпистолограф ярче высвечивает причинно-следственные связи и подробнее останавливается на мотивах и эмоциях героев. Так, именно из письма становится понятна причина столкновения — войска стали забирать выставленные на продажу товары бес-
платно (в «Хронике» суть конфликта остается неясна)³³.

Услышав о произошедшем, Феодосий рассвирепел. Но если в «Хронике» его эмоциональное состояние описано очень сухо (он «закипел гневом» — ζέσαντος τῷ θυμῷ)³⁴, то в послании мы видим совсем другую картину:

ἀλλ' οὐκ ἀνεκτὰ ταῦτα καὶ τῷ Θεοδοσίῳ δοκεῖ πῶς γάρ, εἴ γε καὶ πρὸς ὀργὴν ἐξῆψε μᾶλλον αὐτόν; δάκνεται τὴν καρδίαν, εἰς ἑαυτὸν τὸ τόλμημα δέχεται, βαρυναγεῖ, πληροῦται θυμοῦ...

Но Феодосий не мог этого вынести. Да и как иначе, если это, напротив, только больше распалило его ярость? Он угрызается в сердце, принимает обиду на свой счет, страдает от боли, преисполняется гнева...³⁵

Отметим уже встречавшееся нам выражение «угрызается в сердце», которое вновь служит Глике для того, чтобы маркировать переход от первой (причины, толкающие героя на преступление) ко второй (собственно преступление) части рассказа. Читатель, несомненно, должен был узнать его и ожидать, что вторая история будет развиваться по той же схеме, что и первая.

Переход от второй части рассказа к третьей в «Хронике» очень лаконичен: «Когда царь приехал в Медиоланскую епископию (Медиолан — это город в Италии), божественнейший Амвросий не позволил ему войти в церковь»³⁶. В письме рассказ исполнен внутреннего напряжения:

ἀπαίρει κάκειθεν ὁ βασιλεύς, τὴν ἐπισκοπὴν Μεδιολάνων κατέλαβε — πόλις δὲ Ἰταλίας τὰ Μεδιόλανα, — ζητεῖ προσκυνήσεως ἔνεκεν εἰς τὸν ναὸν εἰσελθεῖν, ἀλλ' ἀστοχεῖ τῆς αἰτήσεως· ἀντίσταται ὁ θεὸς Ἀμβρόσιος, προσεγγίσει ὅπως τόποις ἀγίοις αὐτὸν οὐκ ἔα, φόνιον δῆθεν ἄνδρα ὄντα καὶ ἐναγῆ· μᾶλλον μὲν οὖν καὶ ἀφορισμοῖς ἐμπεδεῖ.

Император уезжает оттуда, прибывает в Медиолан (Медиолан — это город в Италии), просит [разрешения] войти в храм, чтобы поклониться, но его просьба встречает отказ. Ему противостоит божественный Амвросий, он не позволяет ему вовсе ступить на святую землю, ведь он нечестивый убийца. Более того, он наказывает его отлучением³⁷.

На смену сухому изложению «Хроники» приходит драматическая история, разворачивающаяся на глазах у читателя (вновь отметим *praesens historicum* и паратактические конструкции).

В обеих версиях Глика связывает покаяние Феодосия и изданный им закон. Однако изложение «Хроники» кажется нелогичным, непроговоренным: Феодосий «был освобожден от прещения и принят к причастию только ради [празд-

³³ Glycas M. Annales... P. 476.18–20; Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 124.9–12.

³⁴ Glycas M. Annales... P. 476.20–477.2.

³⁵ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 124.13–16.

³⁶ Glycas M. Annales... P. 477.2–6.

³⁷ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 124.18–24.

ника] Рождества Христова и после того, как он издал либеллум»³⁸. О том, что такое «либеллум», читателю остается только гадать. Внутренняя логика эпизода становится еще менее понятной, когда Глика-хронист продолжает: «...когда император вернулся оттуда и [архиепископ Константинопольский] Нектарий спросил его, почему тот не входит в алтарь, Феодосий ответил: “Есть лишь один епископ — Амвросий”»³⁹.

Происхождение этого пассажа становится ясным, только если внимательно приглядеться к источникам Глики. Дело в том, что в данном эпизоде Глика отступает от магистральной линии историографической традиции, представленной церковным историком Созоменом и хронистами Феофаном Исповедником и Иоанном Зонарой. Их версии отличаются от истории, представленной в «Хронике» Глики, как в деталях (убийство происходит на ипподроме), так и в общей идеологической направленности (преступление Феодосия важнее его раскаяния)⁴⁰. Существует, однако, и другая традиция, которая, во-первых, не раскрывает деталей резни в Фессалонике, а во-вторых, скорее прославляет добродетели Феодосия, чем проклинает его преступления. Эта версия впервые появляется в «Церковной истории» Феодорита, еп. Кирского⁴¹, а затем проникает в греческое Житие свт. Амвросия Медиоланского⁴². Скорее всего, Глика был знаком с ней благодаря «Хронике» Георгия Монаха (IX в.)⁴³.

У Георгия Монаха интересующий нас эпизод умело вплетен в рассказ о правлении Феодосия⁴⁴. Конфликт строится вокруг схватки двух сильных фигур — Феодосия и Амвросия: оба защищают правую веру, но первый не может без помощи второго разобраться в том, как должны быть устроены отношения императорской и церковной власти. К началу эпизода читатель уже знаком с Феодосием как с инициатором II Вселенского Собора и борцом с ересями. Трагедия в Фессалонике объясняется, с одной стороны, вмешательством темных сил, а с другой, — безответственностью эпахра города, который повел себя как «своевольный узурпатор». Узнав о случившемся, Амвросий обращает к императору пространную обличительную речь и, хотя, в действительности, вина Феодосия ничтожно мала, он с радостью принимает наложенное на него наказание. Покаяние растягивается на восемь месяцев, но и по завершении этого срока император с неохотой принимает посредничество придворных, которые предлагают ему поговорить с Амвросием о прощении. В драматическом диалоге императора и архиепископа Феодосий произносит ключевые для Георгия Монаха слова: «...твое дело — назначать и смешивать снадобья, мое — прини-

³⁸ Glycas M. *Annales*... P. 477.6–8.

³⁹ *Ibid.* P. 477.10–13.

⁴⁰ Sozomenus. *Kirchengeschichte* VII 25.1–7 / J. Bidez, G. C. Hansen, Hrsg. Berlin, 1995. S. 338.24–340.4; Theophanes. *Chronographia* / C. de Boor. ed. Leipzig, 1883. Vol. 1. P. 72.16–21; Ioannes Zonara. *Epitome historiarum* XIII 18 / L. Dindorf, ed. Leipzig, 1870. Vol. 3. P. 227.6–229.6.

⁴¹ Theodoret. *Kirchengeschichte* V 17–18 / L. Parmentier, Hrsg. Leipzig, 1911. S. 306–313.

⁴² Dagron G. *Empereur et prêtre: Étude sur le «césaropapisme» byzantine*. P., 1996. P. 120–121, 364.

⁴³ Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου. *Ἡ Χρονογραφία*... Σ. 540.

⁴⁴ Georgius Monachus. *Chronicon* / C. de Boor., P. Wirth, eds. Stuttgart, 1978. Vol. 2. P. 576.22–580.20.

мать предписанное» (ὄν ἔργον τὸ δεῖξαι μὲν καὶ κερᾶσαι τὰ φάρμακα, ἐμὸν δὲ τὸ δέξασθαι προσφερόμενα). Но и этого оказывается мало, и Феодосий не получает позволения войти в алтарь, поскольку «багрянец делает [носящих его] царями, а не иереями» (ἀλουρίγς γὰρ βασιλέας οὐχ ἱερέας ποιεῖν εἴωθεν). Только после этого мы встречаем пассаж, заимствованный Гликой: по возвращении в столицу, император объясняет обескураженному архиепископу Нектарию, что не может вступить в алтарь, поскольку «был научен разнице между царем и иереем» (βασιλέως καὶ ἱερέως διαφορὰν ἐδιδάχθην), и добавляет: «Я знаю лишь одного [человека], достойного зваться епископом, — Амвросия» (Ἀμβρόσιον γὰρ οἶδα μόνον ἐπίσκοπον ἀξίως καλούμενον). Фрагмент, не имевший смысла в «Хронике» Глики, здесь оказывается на своем месте, поскольку позволяет рассказчику показать, что герой усвоил преподнесенный ему урок. Но Глика-хронист не забывается о том, чтобы рассказать историю, его задача — сообщить читателю как можно больше фактов, пусть даже и ценой связности повествования.

Глика-эпистограф, в свою очередь, тоже не воспроизводит логику Георгия Монаха, но по иным причинам. Прежде всего, он не хочет смещать фокус внимания с императора на Амвросия. Кроме того, перерабатывая источник, он почти незаметно меняет его текст, привнося новые оттенки. В версии Георгия Монаха условием прощения становится публикация «закона» (νόμον), которому впредь будут обязаны подчиняться все наследники Феодосия. В случае письма к Феодоре перед нами личное обещание: «Он припадает [к Амвросию], он упрощает, он обещает более не дерзать на такое... не казнить кого-либо, хорошо не исследовав до того дело» (προσπίπτει παρακαλεῖ μηκέτι τοιαῦτα τολμήσαι καθυπισχεῖται... ὡς οὐκ ἂν ποτε ποιήσειε κατὰ τινος ἐπεξέλευσιν, εἰ μὴ τὰ τῆς ὑποθέσεως πρῶτον καλῶς διασκέψαιτο)⁴⁵.

Итак, Георгий Монах рассказывает своему читателю историю о благочестивом императоре и посланном ему темными силами искушении, которое в итоге помогает ему получить урок смирения от архиепископа. Глика-эпистограф, в свою очередь, тоже рассказывает историю, но совсем другую: в ее центре стоит герой, который дает волю страстям, приходит в ужас от содеянного, но не отчаивается, а через покаяние обретает прощение. Глика-хронист, напротив, создает текст, который не может быть назван историей в собственном смысле слова. Его произведение — это и не связный исторический нарратив, и не серия самостоятельных эпизодов-новелл, а скорее антология всевозможных фактов, каждый из которых важен не как часть целого, а сам по себе, как еще один дополнительный элемент фактического знания.

Маврикий

Последний исторический пример, который Глика предлагает Феодоре, — это история Маврикия. Такая последовательность (Цимисхий — Феодосий — Маврикий) неслучайна: с точки зрения Глики, преступление Маврикия страшнее тех, что совершили Цимисхий и Феодосий. Его наказание также оказыва-

⁴⁵ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 124.26–125.4.

ется несравненно более суровым. Но главное — мы узнаем не только о том, что преступник прощен на земле, но и о том, что его покаяние принято Богом.

Последовательность событий в двух версиях совпадает: император допускает захват варварами 12 тысяч византийских воинов, поскольку боится, что они поднимут против него восстание, а затем отказывается выкупить их, что приводит к казни пленников. Маврикий раскаивается в содеянном, ищет прощения у святых мужей по всей империи и наконец, удостоивается видения, в котором Христос предлагает ему расплатиться за грех в земной или загробной жизни. Маврикий выбирает первое и узнает, что его свергнет Фока. Тогда он отпускает из заточения своего родственника Филиппика, которого прежде подозревал в измене, и расспрашивает его о Фоке. В итоге Маврикий смиряется с судьбой и погибает со всем своим семейством от рук Фоки.

Как и в уже рассмотренных нами случаях, изложение «Хроники» более детально (именно из нее мы узнаем, что варвары были аварами⁴⁶), тогда как в «Богословских главах» Глика более четко прописывает причинно-следственные связи и подробнее останавливается на мотивах героев. Высокая степень детализации сочетается в «Хронике» с рыхлостью структуры и торопливостью: «...поэтому царь стал повсеместно просить монахов [молиться] за [его] грех. А когда от них вернулся магистриан, он узнал, что душа его спасется, но он будет с болью и горечью лишен царства» (ἐφ' ᾧ τῶν κατὰ τόπους μοναχῶν ὁ βασιλεὺς ἐδέετο διὰ τὸ ἀμάρτημα. κἀκεῖθεν οὖν ἐλθόντος τοῦ Μαγιστριανοῦ ἔμαθεν ὅτι ἡ μὲν ψυχὴ αὐτοῦ σώζεται, μετὰ πόνου δὲ καὶ θλίψεως τῆς βασιλείας ἐκπίπτει)⁴⁷.

В письме Феодоре мы видим живые эмоции и саспенс:

Τί τὸ ἐπὶ τούτοις; θλίβεται ὁ βασιλεὺς· δάκνεται τὴν καρδίαν· εἰς κατάνυξιν ἔρχεται· βάλλει πόρρω πον τὴν ἀπόγνωσιν· ἐπὶ τὸν μακρόθυμον καταφεύγει Θεόν· καθάπερ κέντρῳ τῷ συνειδότη μαστίζεται· ἐκπομπεύει τὸ ἀμάρτημα· δῆλον τοῦτο καὶ τοῖς πόρρω ποιεῖ· προσπίπτει διὰ γραμμάτων τοῖς κατὰ χώραν ὁσίοις ἀνδράσι καὶ πρὸς τὸν Θεὸν αὐτοὺς μεσίτας προβάλλεται· ἐπανέρχεται ὁ πρέσβυς· θεῖα γράμματα προσκομίζει· μανθάνει δι' αὐτῶν, ὡς ἀφίεται μὲν αὐτῷ τὸ ἀμάρτημα, μετ' ὀδύνης δὲ τῆς βασιλείας ἐκπίπτει.

Что же дальше? Царь опечален; он угрызается в сердце; он сокрушается; он отмечает отчаяние; он прибегает к великодушному Богу; совесть терзает его как жало; он объявляет о грехе; он доносит его и до [обитателей] самых отдаленных [мест]; в посланиях он умоляет преподобных мужей по всей земле стать его заступниками перед Богом; и вот посол возвращается; он приносит божественные послания; царь узнает из них, что грех его прощен, но он лишится царства в страдании⁴⁸.

Это описание эмоций кажется очень похожим на те, что мы уже видели в историях Цимисхия и Феодосия. Повторяется и формула δάκνεται τὴν καρδίαν. Однако на сей раз она маркирует переход от второй части эпизода к третьей — от всепожирающего гнева к мукам совести. Отметим, что это же выражение Глика

⁴⁶ Glycas M. Annales... P. 508.15.

⁴⁷ Ibid. P. 508.17–21.

⁴⁸ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 125.17–25.

использовал и в «Стихах из заточения», где, сравнивая участи покойника и заключенного, приходил к выводу, что второму повезло куда меньше, чем первому. Мертвец «уже не угрызается в сердце» (οὐκέτι... δάκνεται τὴν καρδίαν), думая о судьбе близких, а для заключенного эти волнения — неизменные сокамерники⁴⁹. Эти же слова возникают и в 61-й «Богословской главе», в которой папа Римский Григорий узнает о том, что некий монах, которого он подверг отлучению за какой-то проступок, скончался. Папа «чувствует тяжесть в душе и угрызается в сердце» (βαρυαλγεῖ τὴν ψυχὴν δάκνεται τὴν καρδίαν), ведь это по его вине монах лишился надежды на спасение⁵⁰. Несмотря на сдвиг в значении, очевидно, что Глика использовал это выражение как формулу, которая помогает читателю ориентироваться и связывает три истории воедино.

Чудесное видение описано Гликой в двух произведениях в схожих выражениях, но в послании более явственно чем в «Хронике» ощущается атмосфера суда: в последней Христос «восседает на троне» (ἐπὶ θρόνου καθήμενον), в письме — «председательствует» (προκάθηται), тогда как Маврикий «стоит [перед Ним] как подсудимый» (παρίσταται ὡς κατάκριτος) и отвечает только тогда, когда Христос дает ему слово⁵¹. Сцена видения, не имеющая соответствия в эпизодах с Цимисхием и Феодосием, показывает, что Глика сознательно распределил рассказы о трех императорах именно в такой последовательности. В каждой следующей истории внешнее давление на венценосного преступника все сильнее, а расплата — все страшнее. Цимисхий понимает, что должен сделать, чтобы добиться прощения, без какого-либо внешнего толчка (как мы видели, роль Полиевкта минимальна); роль Амвросия в истории Феодосия, конечно же, куда важнее, но все же она не может даже близко сравниться с той ролью, что он играет в источнике Глики — у Георгия Монаха; источником внешнего давления на Маврикия, в свою очередь, становится Сам Христос.

События, последовавшие за видением, описаны в двух версиях сходно, но при этом повествование «Хроники» оказывается переполнено уводящими читателя в сторону деталями и побочными сюжетными линиями: Глика углубляется в обстоятельства предшествующего конфликта между Маврикием и Фокой и в подробностях описывает страх, охвативший жену Филиппика, когда она узнала, что он вызван во дворец⁵².

Сохраняя одну и ту же композицию, Глика создает два принципиально разных текста: в письме читатель встречает простое, но при этом сбалансированное и последовательное повествование, «Хроника», напротив, кажется хаотичным нагромождением исторических фактов, в котором читатель при всем желании не сможет отличить важное от неважного. Например, причины, побудившие Маврикия пойти на преступление, едва упомянуты, но зато линия Филиппика,

⁴⁹ Μιχαὴλ Γλυκᾶς. Στίχοι οὗς ἔγραψε καθ' ὃν κατεσχέθη καιρόν / Εὐθ. Θ. Τσολλάκης, ἔκδ. Θεσσαλονίκη, 1959. Σ. 100–114. О них см.: Bourbouhakis E. «Political» Personae: The Poem from Prison of Michael Glykas: Byzantine Literature between Fact and Fiction // Byzantine and Modern Greek Studies. 2007. Vol. 31. Issue 1. P. 53–75.

⁵⁰ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 143.1.

⁵¹ Glycas M. Annales... P. 508.21–509.4; Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. 125.25–126.3.

⁵² Glycas M. Annales... P. 509.4–22.

не имеющая прямого отношения к основному конфликту, занимает половину страницы печатного издания.

Взгляд на контекст, в который помещен эпизод с Мавриkiem в «Хронике», только усиливает это впечатление. Первое, что читатель узнает о правлении Маврикия, — это то, что он построил храм в честь Сорока Севастийских мучеников. И тотчас же без какого-либо перехода, Глика обрушивает на своего читателя целый ворох историй о чудовищах: в Константинополе родился ребенок без рук и глаз, но с рыбьим хвостом, а еще собака с шестью ногами и головой льва; во Фракии — один ребенок с четырьмя ногами и один с двумя головами; в реке Нил были замечены сирены и крокодилы. Упоминание крокодилов, в свою очередь, позволяет Глике пуститься в пространное описание особенностей и привычек этого животного. В итоге читатель не может избавиться от ощущения, что все единицы информации (сирены, монстры, гибель византийских солдат, заключение Филиппика) в глазах Глики обладают одинаковой ценностью. Перед читателем не история, а лоскутное одеяло, наспех сшитое из занимательных заметок и разрозненных сюжетных линий. Однако, имея перед глазами письмо, мы понимаем, что для нашего автора не составляло труда превратить тот же самый набор разрозненных сведений в последовательную и драматическую историю. Что же мешает ему применить это умение в «Хронике»?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы вновь должны обратиться к источникам Глики. Главным источником опять оказывается «Хроника» Георгия Монаха⁵³. История Маврикия в версии Георгия — это длинный законченный эпизод с продуманной композицией⁵⁴. В отличие от Глики, Георгий не начинает рассказ *in medias res*, а влетает историю о заложниках в контекст взаимоотношений аваров и византийцев: читатель узнает о ходе войны, об обращении сената к императору, о посольствах к варварам, о цене, которую хаган требует за пленников, и наконец, об отказе Маврикия заплатить даже половину названной суммы. Для Георгия жадность Маврикия оказывается важнее его жестокости.

Затем Георгий рассказывает о том, как император лишился народной поддержки, что заставило его «прийти в себя», так что «он задумался о грядущем суде и выбрал расплату за грех на этой земле, а не в иной жизни на страшном судилище»⁵⁵. Отметим, что в послании Феодоре у Глики Маврикий чувствует муки совести сразу же после казни заложников, но при этом не знает, какой выбор будет ему дан. Версия Георгия Монаха лишена внутреннего напряжения, версия письма — наполнена им: герой безуспешно ищет прощения на земле и обращается к Богу как к последней надежде. Но вплоть до самого видения читатель не знает, будет ли молитва героя услышана.

Георгий Монах последовательно упоминает письма и дарения крупным монашьям и Восточным патриархам, но при этом умалчивает об ответе, который Маврикий получил от них. К нему он вернется только после видения, что позволит придать эпизоду законченность. Умение Георгия выстраивать кольцевую композицию проявляется и в следующем разделе, посвященном Филиппику.

⁵³ Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου. Ἡ Χρονογραφία... Σ. 546–547.

⁵⁴ Georgius Monachus. Chronicon... P. 658.18–663.16.

⁵⁵ Ibid. P. 659.9–13.

Сначала перед читателем разворачивается конфликт между Маврикием и Филиппиком, в результате которого последний изгоняется из дворца. Затем Георгий переходит к видению, в котором Христос обращается к императору с иконы над Медными воротами Большого дворца и впервые упоминает имя Фоки. После этого фокус внимания вновь переносится на Филиппика, который, вернувшись во дворец, объясняет Маврикию, кто такой Фока, упомянутый Христом. Благодаря кольцевой композиции, перекрестным ссылкам и чередованию нескольких повествователей эпизод читается на одном дыхании. Отметим, что другие хронисты помещают историю об опале Филиппика в другие разделы. Именно так поступает Манассия, когда упоминает о ней при описании начала правления Маврикия, и уже не вспоминая о ней в рассказе о его свержении⁵⁶.

Итак, Георгий Монах делает историю Филиппика частью истории Маврикия, ведь именно от него Маврикий узнает, кто такой Фока. Глика в «Хронике», с одной стороны, полностью разрушает логику источника, а с другой, — не стремится стилистически переработать его, сохраняя ряд дословных пересечений. Георгий Монах так описывает эмоциональное состояние жены Филиппика: «Проснувшись, царь тотчас же послал паракимомена, чтоб тот поскорее привел его зятя Филиппика. А тот, увидев в такой час паракимомена, уже попросился с жизнью и попросил [разрешения] причаститься, и только после этого отправился к царю, оставив свою жену лежать *во вретнице и пепле* (Лк 10.13) (*καταλιπὼν τὴν ἰδίαν γυναῖκα ἐπὶ σάκκου καὶ σποδοῦ χειμένην*) и плакать»⁵⁷. Глика, как кажется, говорит то же самое: «...когда Филиппика призвали, он так испугался, что причастился и оставил своих близких *сидеть во вретнице и пепле* (τοὺς ὑπ' αὐτὸν ἐπὶ σποδοῦ καὶ σάκκου καθήμενους καταλιπεῖν)»⁵⁸. Но при этом этот пассаж повисает в воздухе и никак не включается в общую историю Маврикия.

Единственный, по всей видимости, важный для Глики момент в рассказе о Маврикии связан с вопросом об инстанции, которая дарует императору прощение. Георгий Монах, как мы уже сказали, описав видение, возвращается к письмам, которые Маврикий получает от святых мужей. Тем самым, хотя бы композиционно, именно они в конечном счете обещают ему прощение. В обеих версиях у Глики, напротив, вердикт выносит Сам Бог, подтверждая и придавая силу предварительному и нечеткому ответу, который император получил от святых мужей.

Возвращаясь к общему контексту, в который Глика помещает в «Хронике» эпизод с преступлением и наказанием Маврикия, обратим внимание на то, что рассказы о чудовищах, которые казались нам неестественными у Глики, также восходят к Георгию Монаху, но у него играют вполне понятную и важную роль⁵⁹. В логике Георгия Монаха, чудовища предрекают страшную участь Маврикия и всего государства. С воцарением Фоки «зло вступило во дворец» (*εἰσῆλθε τὸ κακὸν εἰς τὰ βασιλεία*)⁶⁰. Оно знаменует начало эры несчастий для империи:

⁵⁶ Manasses. Breviarium... P. 188.3445–189.3464.

⁵⁷ Georgius Monachus. Chronicon... P. 660, 10–16.

⁵⁸ Glycas M. Annales... P. 509.19–21.

⁵⁹ Georgius Monachus. Chronicon... P. 656.17–658.16.

⁶⁰ Ibid. P. 662.14.

«...с тех пор на Ромейское царство обрушивались одна за другой разнообразные беды» (...οὐ γὰρ διέλιτε τῆ τῶν Ῥωμαίων ἔχτοτε βασιλεία δυστυχήματα λοιγίλα τε καὶ ἐπάλληλα)⁶¹. Георгий Монах, несомненно, видел прямую связь между монстрами, одновременно родившимися в самых разных частях империи, и трагическим падением Маврикия, приведшим к власти чудовище-Фоку.

Получается, что Глика заимствует как тератологические отступления, так и общую схему рассказа о Маврикии, но при этом вовсе не заботится о сохранении между ними связи: рассказы о чудовищах отделены от рассказа о преступлении Маврикия краткой заметкой о том, как император установил еженедельную процессию с Влахернским образом Пресвятой Богородицы⁶². Этот пассаж ломает логику источника и показывает, что Глика или не улавливает, или намеренно устраняет присутствующую у Георгия Монаха неразрывную связь эпизодов. Оторванные от кульминации рассказа о Маврикии, монстры теряют роль зловещих предзнаменований и превращаются в очередной занимательный сюжет, который мог бы с тем же успехом оказаться в любом другом месте произведения.

Заключение

Михаил Глика известен, прежде всего, как автор «Хроники». Однако на фоне других хронистов его литературное мастерство выглядит жалко. Он кажется автором без идеологии и особого взгляда на историю (в отличие от своего современника и источника Иоанна Зонара⁶³), без дотошности хрониста (в отличие от своего другого источника Иоанна Скилицы), без претензий на литературное преобразование старого жанра (в отличие от Константина Манассии). Более того, Глика — очень слабый рассказчик, который не просто не умеет рассказывать истории, но словно бы и не понимает, как это делают другие (например, Георгий Монах), при том что дословно копирует их. «Хроника» кажется безыскусной компиляцией с не сглаженными на стыках швами некритически заимствованных фрагментов. Да, Глика создает большую хронику, но эта хроника — не самый выдающийся образец жанра.

На этом можно было бы поставить точку, если бы «Хроника» была единственным сочинением Глики. Но если взглянуть на другие его произведения, например, «Стихи из заточения», то окажется, что он был в курсе придворной моды на псевдонародный язык, но при этом использовал его вовсе не для литературной игры. Равным образом, наблюдая необычайный рост влияния комментариев к античным текстам, он сам выступил в роли комментатора к представленной им на суд императора коллекции народных пословиц⁶⁴. Видя, как его современники оживляют древние и изобретают новые слова, он тоже становился изобретателем слов. Зная о популярности в эпоху Комнинов богословских

⁶¹ Georgius Monachus. Chronicon... P. 664.6–8.

⁶² Glycas M. Annales... P. 508.10–11.

⁶³ Черноглазов Д. А. О мировоззрении Иоанна Зонары и его современников // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 187–204; Он же. Римская история устами византийского хрониста XII в.: Еще раз о методе Зонары-историографа // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 191–203.

⁶⁴ Γλυκᾶς. Εἰς τὰς ἀπορίας... Σ. ροε'–ροζ'.

компендиумов, он собрал и унифицировал свои послания разных лет с ответами на вопросы христианского учения. Если Глика так чувствовал и так отражал свое время, почему же его «Хроника» столь безыскусна?

Мы сравнили три сюжета, которые Глика рассказал дважды: в «Хронике» и в письме, адресованном племяннице императора, которое позже было включено в «Богословские главы». В письме Глика предстает искусным рассказчиком. Он понимает, в каком порядке выстроить истории и как подчеркнуть в них главное, продумывает их внутреннюю композицию, использует ключевые фразы, направляющие читателя, использует особый синтаксис, умело создает и поддерживает напряжение, играет с ожиданиями читателя, но при этом избавляется от всех побочных деталей, подчас опуская даже исторически важное, но не принципиальное для его истории. Его герои испытывают сильные эмоции и развиваются на глазах у читателя. В этом Глика оказывается типологически близок к Манассии, для которого эмоции и чувства составляют основное содержание его «Хроники», превращаясь в абстрактные категории, которые управляют историей. И это тем более примечательно, что Манассия — частый источник для «Хроники» Глики, но тот никогда не заимствует из него то, что было важнее всего самому Манассии.

Глика-хронист — полная противоположность Глике-эпистологу. Интересно, что в рассмотренных нами фрагментах Глика почти не переписывает свои источники дословно и целиком: перед нами две независимые переработки одного и того же набора источников. И эти переработки не похожи одна на другую во всем, кроме одного аспекта — последовательности изложения (особенно хорошо это видно на истории Маврикия). Композиционный каркас остается, но в остальном в «Хронике» мы видим текст настолько перегруженный деталями, что читателю нелегко понять, где важное, а где — нет.

Почему же Глика-хронист так далек от Глики-эпистолога? На наш взгляд, ответ предельно прост: он убежден, что хроники пишутся исключительно так. С его точки зрения, долг хрониста состоит в том, чтобы фиксировать и передавать читателю не истории, а факты. И в итоге эти разрозненные факты складываются в самое общее знание о мире, своего рода энциклопедию. Именно поэтому в «Хронику» инкорпорирован естественнонаучный раздел поразительно большого объема⁶⁵. Но и следующая за ним историческая часть — тоже своего рода учебник, в котором факты сообщаются, но не рассказываются. У Глики есть представление о том, как подать их в том, что касается их отбора и последовательности. Но часто он сам не осознает, что рассказывает меньше, чем нужно читателю (например, упоминает, но не объясняет, в чем была суть закона, изданного Феодосием).

Вместе с тем, произведение Глики нельзя назвать серьезным историческим сочинением. В этом смысле он не конкурирует с Зонарой, который углубляется в причины событий и поступков, приводит разные версии и рассуждает о движущих силах истории. Глика ориентируется на другого читателя, и именно поэтому его «Хронику» сложно оценить современному исследователю. «Хроника» была написана для, если это слово уместно в применении к Средним векам, массо-

⁶⁵ Glycas M. Annales... P. 3–221.

вого читателя, который не нуждался в отвлеченных рассуждениях и обсуждении сравнительных достоинств тех или иных исторических реконструкций. А значит, на фоне всей остальной литературы XII в., которая в любых своих формах так или иначе была обращена к элитарному кругу, она окажется весьма самобытным произведением, причем основанным на четких принципах и со столь же ясным представлением об адресате.

Список литературы

- Авилушкина Л. Т. Из рукописной традиции «Хроники» Михаила Глики // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Вып. 23. С. 127–133.
- Авилушкина Л. Т. К изучению предполагаемых источников первого издания греческого текста Хроники Михаила Глики: Берлинский кодекс *Verolinensis* gr. 235 // Вспомогательные исторические дисциплины. 2013. Т. 32. С. 331–336.
- Авилушкина Л. Т. Особенности и характер изданий «Хроники» Михаила Глики // Античная древность и Средние века. 2009. Вып. 39. С. 389–397.
- Бойцов М. А. Покаяние императора: Феодосий и Амвросий Медиоланский // Вестник древней истории. 2009. № 269 (2). С. 21–48.
- Васильевский В. Г. Рецензия на: Krumbacher K. Michael Glykas: Eine Skizze seiner Biographie und seiner Litterarischen Thätigkeit nebst einen unedierten Gedichte und Briefe desselben [Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der Königl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1894. Bd. 3. S. 391–460] // Византийский временник. Т. 6. № 3–4. С. 524–537.
- Жаркая В. Ю. Специфика работы с источниками во «Всемирной хронике» Михаила Глики: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2013.
- Черноглазов Д. А. О мировоззрении Иоанна Зонары и его современников // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 187–204.
- Черноглазов Д. А. Римская история устами византийского хрониста XII в.: Еще раз о методе Зонары-историографа // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 191–203.
- Bourbouhakis E. «Political» Personae: The Poem from Prison of Michael Glykas: Byzantine Literature between Fact and Fiction // Byzantine and Modern Greek Studies. 2007. Vol. 31. Issue 1. P. 53–75.
- Constantinus Manasses. *Breviarium chronicum* / O. Lampsidis, ed. Athenis, 1996.
- Dagron G. *Empereur et prêtre: Étude sur le «césaropapisme» byzantine*. P., 1996.
- Georgius Monachus. *Chronicon* / C. de Boor., P. Wirth, eds. Stuttgart, 1978. Vol. 2.
- Hinterberger M. Phthonos als treibende Kraft in Prodromos, Manasses und Bryennios // *Medioevo Greco*. 2011. Vol. 11. P. 83–106.
- Ioannes Scylitzes. *Synopsis historiarum* / I. Thurn, ed. Berlin; N. Y., 1973.
- Ioannes Zonara. *Epitome historiarum* / L. Dindorf, ed. Leipzig, 1870. Vol. 3.
- Kiapidou E.-S. Chapters, Epistolary Essays and Epistles: The Case of Michael Glykas' Collection of Ninety-Five Texts in the 12th Century // *Parekbolai: An electronic Journal for Byzantine Literature*. 2013. Vol. 3. P. 45–64.
- Kiapidou E.-S. On the Epistolography of Michael Glykas // *Βυζαντινά σύμμεττα*. 2011. Т. 21. Σ. 169–193.
- Krumbacher K. Michael Glykas: Eine Skizze seiner Biographie und seiner Litterarischen Thätigkeit nebst einen unedierten Gedichte und Briefe desselben // *Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der Königl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. 1894. Bd. 3. S. 391–460.
- Magdalino P. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, 1993.

- Magdalino P. L'orthodoxie des astrologues: La science entre le dogme et la divination à Byzance (VIIe–XIVe siècle). P., 2006.
- Michael Glykas. *Annales* / I. Bekker, ed. Bonn, 1836.
- Neville L. *Guide to Byzantine Historical Writing*. Cambridge, 2018.
- Nilsson I. Narrating Images in Byzantine Literature: The Ekphraseis of Konstantinos Manasses // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2005. Bd. 55. S. 121–146.
- Sozomenus. *Kirchengeschichte* / J. Bidez, G. C. Hansen, Hrsg. Berlin, 1995.
- Theodoret. *Kirchengeschichte* / L. Parmentier, Hrsg. Leipzig, 1911.
- Theophanes. *Chronographia* / C. de Boor, ed. Leipzig, 1883. Vol. 1.
- Βάρζος Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984.
- Καρπόζηλος Α. Βυζαντινοὶ ἱστορικοὶ καὶ χρονογράφοι. Τ. 3: 11ος–12ος αἰ. Ἀθήνα, 2009.
- Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ. Ἡ Χρονογραφία τοῦ Μιχαὴλ Γλυκά καὶ οἱ πηγές της (περίοδος 100 π. Χ. — 1118 μ. Χ.): Διςσ. Θεσσαλονίκη, 1984.
- Μιχαὴλ Γλυκάς. Εἰς τὰς ἀπορίας τῆς Θείας Γραφῆς κεφάλαια / Σ. Εὐστρατιάδης, ἔκδ. Ἀλεξάνδρεια, 1912. Τ. 2.
- Μιχαὴλ Γλυκάς. Στίχοι οὗς ἔγραψε καθ' ὃν κατεσχέθη καιρόν / Εὐ. Θ. Τσολάκης, ἔκδ. Θεσσαλονίκη, 1959.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo
gumanitarnogo universiteta.
Seriiia III: Filologiya.
2020. Vol. 62. P. 11–30
DOI: 10.15382/sturIII202062.11-30

Varvara Zharkaya,
Candidate of Sciences in Philology,
National Research University
Higher School of Economics,
21/4 Staraya Basmannaya, Moscow,
105066, Russian Federation,
vzharkaya@hse.ru
ORCID: 0000-0002-0705-7582

MICHAEL GLYKAS AND THE THREE ROYAL MURDERERS

V. ZHARKAYA

Abstract: Michael Glykas is best known as the author of a vast *Chronicle* covering the historical events from Creation to the death of the emperor Alexios I Komnenos (1118 AD). Although quite popular in Byzantium, this literary work does not enjoy high reputation among the scholars, the reason being its loose composition and massive uncritical borrowings from earlier sources with only feeble attempts to rework and harmonise them. However, in his other text, a collection of admonitory and dogmatic letters usually referred to as the *Theological Chapters*, Glykas appears to be an apt storyteller who produces a tightly-knit narrative with rhetorical sophistication and mastery in portraying his heroes' emotions and in creating suspense. The discrepancies between the two working methods become most visible when the *Chronicle* and the *Theological Chapters* deal with the same subjects.

This article provides a close reading of the three stories about murders committed by the emperors Theodosios I the Great (379–395), Maurikios (582–602), and Ioannes I

Tzimiskes (969–976). These are described in the *Chronicle* and in the 57th *Theological Chapter*. The latter was initially conceived as a conciliatory letter addressed to the niece of the emperor Manuel I Komnenos (1143–1180) Theodora, who had committed a murder because of jealousy and was seeking repentance. The analysis shows that the parallel accounts have common compositional structure and share the same set of sources; neither of the two versions contains any unique historical data absent from the other. Nevertheless, the specific narrative techniques chosen by Glykas to tell the same stories twice are diametrically opposed to each other. For Glykas as a chronicler, no historical detail is more important than the other, therefore he produces a kind of encyclopaedia cemented by chronology but virtually devoid of narrativity and inner hierarchy. Glykas as an epistolographer, by contrast, has a clear understanding of how to arrange the stories, elaborates their composition, manipulates the reader through key-phrases and syntactical devices, builds drama and makes his characters live through severe breakdowns and then recover before the readers' eyes. The article proposes to see in Glykas' unwillingness to narrate coherent stories in the *Chronicle* a conscious authorial choice motivated by his understanding of chronicle-writing as an activity which is by definition opposed to storytelling.

Keywords: Byzantine literature, 12th century, Michael Glykas, world chronicle, epistolography, Theodosios I the Great, Maurikios, Ioannes I Tzimiskes, Nikephoros II Phokas, Komnenoi.

References

- Avilushkina L. (1991) "Iz rukopisnoi traditsii 'Khroniki' Mikhaila Gliki" [Notes on the Manuscript Tradition of Michael Glykas' "Chronicle"]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 23, pp. 127–133 (in Russian).
- Avilushkina L. (2009) "Osobennosti i kharakter izdaniia 'Khroniki' Mikhaila Gliki" [Special Features and the Character of Editions of Michael Glykas' Chronicle]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 39, pp. 389–397 (in Russian).
- Avilushkina L. (2013) "K izucheniiu predpolagaemykh istochnikov pervogo izdaniia grecheskogo teksta Khroniki Mikhaila Gliki: Berlinskii kodeks Berolinensis gr. 235" [On Probable Sources of the First Greek Edition of Michael Glykas' Chronicle: Codex Berolinensis gr. 235]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 32, pp. 331–336 (in Russian).
- Bidez J., Hansen G. C. (eds) (1995) *Sozomenus. Kirchengeschichte*. Berlin.
- Boor C. de, Wirth P. (eds) (1978) *Georgii Monachi Chronicon*. Stuttgart.
- Boytsov M. (2009) "Pokaianie imperatora: Feodosii i Amvrosii Mediolanskii" [Emperor's Penitence: Theodosius I and Ambrose of Milan]. *Vestnik drevnei istorii*, 269 (2), pp. 21–48 (in Russian).
- Bourbouhakis E. (2007) "'Political' Personae: The Poem from Prison of Michael Glykas: Byzantine Literature between Fact and Fiction". *Byzantine and Modern Greek Studies*, 31 (1), pp. 53–75.
- Chernoglazov D. (2006) "O mirovozzrenii Ioanna Zonary i ego sovremennikov" [World Outlook of John Zonaras and his Contemporaries], in *Vizantiiskie ocherki* [Byzantine Essays], Saint Petersburg, pp. 187–204 (in Russian).
- Chernoglazov D. (2006) "Rimskaia istoriia ustami vizantiiskogo khronista XII v.: Eshche raz o metode Zonary-istoriografa" [Roman History as Reported by a Byzantine Chronicle-Writer of the 12th Century: Once Again on the Method of Zonaras the Historiographer]. *Vizantiiskii vremennik*, 65 (90), pp. 191–203 (in Russian).
- Dagron G. (1996) *Empereur et prêtre: Étude sur le «césaropapisme» byzantin*. Paris.

- Hinterberger M. (2011) “Phthonos als treibende Kraft in Prodrornos, Manasses und Bryennios”. *Medioevo Greco*, 11, pp. 83–106.
- Karpozēlos A. (2009) *Byzantinoi istorikoi kai chronographoi* [Byzantine Historians and Chronicle Writers], vol. 3. Athens (in Greek).
- Kiapidou E.-S. (2013) “Chapters, Epistolary Essays and Epistles: The Case of Michael Glykas’ Collection of Ninety-Five Texts in the 12th Century”. *Parekbolai: An Electronic Journal for Byzantine Literature*, 3, pp. 45–64, available at <http://ejournals.lib.auth.gr/parekbolai/article/view/3905> (accessed 20.02.2020).
- Kiapidou E.-S. (2011) “On the Epistolography of Michael Glykas”. *Byzantina Symmeikta*, 21, pp. 169–193.
- Lampsidis O. (ed.) (1996) *Constantini Manassis Breviarium chronicum*. Athens.
- Magdalino P. (1993) *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge.
- Magdalino P. (2006) *L’orthodoxie des astrologues: La science entre le dogme et la divination à Byzance (VIIe–XIVe siècle)*. Paris.
- Neville L. (2018) *Guide to Byzantine Historical Writing*. Cambridge.
- Nilsson I. (2005) “Narrating Images in Byzantine Literature: The Ekphraseis of Konstantinos Manasses”. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 55, pp. 121–146.
- Thurn I. (ed.) (1973) *Ioannes Scylitzes. Synopsis historiarum*. Berlin; New York.
- Tsolakēs E. (ed.) (1959) *Michaēl Glykas. Stichoi ous egrapse kath’ on kateschethē kairon* [Michael Glykas. Poems Composed during the Incarceration]. Thessaloniki (in Greek).
- Varzos K. (1984) *Ē genealogia tōn Komnēnōn* [Genealogy of the Komnenoi], vol. 2. Thessaloniki (in Greek).